

Заложники

Кристина Ткачук

«Самые прочные цепи — те, что мы надели на себя сами».

Действующие лица

НИКОЛАЙ — 42 года, московский проверяющий с холодным расчётом, но неожиданно ранимый внутри. Замкнут, мастер манипуляций, но в душе устал от одиночества. Обожает своего кота-мейн-куна Семёна. Ведёт блокнот с чужими слабостями, но потихоньку начинает сомневаться в своих принципах.

ЛЮДМИЛА — 22 года, мечтательная и добрая, с детской непосредственностью (две длинные косички, большие глаза). Мечтала стать врачом, но под давлением матери отказалась от цели. Конфликтует с Катериной, но в глубине души жаждет её одобрения. Верит в людей, даже когда они её обманывают. Обожает бабушку Диану и называет её «Бубусь».

КАТЕРИНА — 39 лет, блондинка с «стальными глазами», циничная и резкая. Бывшая жена Бориса, мать Людмилы. Переодически называет мать по имени. Гонится за выгодой, но проявляет нежность к дочери. Ненавидит «умирающий» городок, но рисует его с любовью в альбоме. Её грубость — броня от собственных разочарований.

ДИАНА — за 60, владелица универмага, мать Катерины, бабушка Людмилы. Добрая, мудрая, печёт лучшие булочки в городе. Потеряла сына, потому особенно привязывается к Николаю. Любит говорить «Боренька» и «Людочка», при этом резка с дочерью. Носит фартук с карманами, где всегда найдётся конфета или совет.

БОРИС — 44 года, мастер на все руки с азиатскими чертами лица. Бывший муж Катерины, ранимый, но прячет это за сарказмом. Обожает кроссворды и называть Катерину «Сёна». Ненавидит идею завода, потому что помнит, каким город был раньше.

ТЁТЯ МАРИНА — 56 лет, местная сплетница с фляжкой «счастливого» чая. Говорит с акцентом («ш» вместо «с»), обожает своего мужа Шуру, которого бесконечно пилит. Всегда стоит на страже сплетен и защите «своих».

Сцена 1

Универмаг в маленьком городке. Зима. Почти за два дня до Нового года. Внутри жарко от суеты, за окном — темно, воющая метель бьёт снежными хлопьями в стёкла. Диана и Катерина лихорадочно разрывают картонные коробки, которые Борис, запыхавшись, тащит со склада. Людмила, взобравшись на стремянку, вешает гирлянды. Все готовятся к празднику.

Диана (швыряя пустую коробку, с усмешкой): Боренька, ну почему у нас в магазине всё вечно не на своих местах? То ли это квест, то ли заговор?

Борис (потирая замёрзшие руки, гримасничает): А может, по ночам тут тусуется Тайное Общество Полочных Диверсантов? Переставляют, чтоб мы не расслаблялись!

Диана (хохочет, подбрасывая в воздух упаковку мишуры): О, если б их поймали — дали бы Нобелевку по хаосу!

Катерина (резко оборачивается, руки в бока): Диан, ты же орала, что «всё горит»! Новый год на носу, а вы тут теории заговоров строите!

Диана (подмигивает Борису): Боря нам тут научное открытие сделал!

Катерина (едко, на ходу хватая коробку): Надеюсь, это «открытие» поможет вам быстрее шевелить задницами!

Борис (корчит рожу ей вслед, шёпотом): Язва...

Людмила (срывающимся голосом, глядя в окно): Как вы думаете... он приедет? Бабушка клянётся — должен был уже два дня как быть здесь...

Катерина (резко бросает коробку, звенят ёлочные шары): Да какая разница, должен или нет?! Через два дня — Новый год, а у нас, кроме прочего, ещё и этот «майонезный король» на шее висит! Ублажай его, а то магазин прикроет!

Борис (взрывается): Ты хочешь, чтобы весь город вонял, как фабричная помойка?!

Катерина (яростно шагает к нему): Эх, ты... Если завод запустят — денег будет море! Новые рабочие места, жизнь закипит!

Диана (бросает между ними руку, как щит): Боря, не связывайся. (Саркастично, в сторону.) Некоторых жизнь вообще ничему не учит.

Катерина (вздыхает подбородок): А ты знаешь, что я права! Если проверка из Москвы разрешит — город оживёт! Новые люди, новые магазины...

Борис (качает головой): Новый дурдом.

Катерина (вскипает): Ой, да что ты понимаешь, нерусь!

Борис (в ярости бьёт кулаком по стойке): Да кто из нас тут нерусь — ещё вопрос! И безграмотная, ко всему!

Катерина (бледнеет, трясётся): У меня... у меня... два высших, между про—

Диана (рвётся между ними, голос — как хлыст): ВСЁ! По углам! А то сама разведу — будете потом осколки от игрушек собирать! (Кричит в подсобку) Люда! Забери Борю, тащите коробку с игрушками!

Людмила хватается Бориса за рукав, тащит за собой. Он оглядывается, плюётся.

Диана (шипит Катерине, вплотную): Хватит его дёргать! Я тебя так не воспитывала!

Катерина (отворачивается, голос дрожит от злости): Да перестань! Он меня бесит! Этот... осёл не понимает — завод спасёт нас! Помнишь, как было, когда газовики тут крутились? Город дышал! А теперь? (Резко машет рукой в сторону окна.) Эти брошенные бараки с пустыми глазницами окон... Идешь мимо — мурашки по спине! Как будто в гробу живём!

Диана (хмуро): Вряд ли он до Нового года объявится. Разве что в январе...

Катерина сдавленно вздыхает, сжимая кулаки.

Борис (вваливается с коробкой, закатывает глаза): О, значит, этот вопль продлится до приезда «майонезного»? Ну и что, что он хочет тут что-то строить? Лучше не станет!

Катерина (взрывается, хватая со стойки рулон упаковочной бумаги, швыряет в него): ЗАТКНИСЬ!

Бумага разворачивается в воздухе, как лента, Борис ловко уворачивается. За окном воеет ветер.

Звенит колокольчик над дверью, врывается порыв ледяного ветра. В универмаг вваливается тётя Марина — вся в снегу, отряхивает варежки, шарф размотан, щёки красные от мороза. Подходит к прилавку, нервно перебирает банки с консервами.

Диана (быстро толкает локтем Людмилу, шепчет): Давай к кассе!

Людмила (подскакивает, натянуто улыбаясь): Вы что-то выбрали, тёть Марин?

Тётя Марина (хватает банку, трясёт её перед лицом Людмилы): Да, Людочка, дай мне пошалуйста горошек! А то мой балбес забыл его купить, вот пришлось бешать к вам через три двора, а то останемся на Новый год беш оливье! (Вдруг в ужасе хлопает себя по лбу.) Только не говори, шо он шакончился! Я тебя умоляю, спаси, инаше я своего мушенька пришью!

Людмила (торопливо суёт ей банку, выхватывает деньги): Не надо, не убивайте дядю Сашу — вас же посадят! Вот, держите!

Тётя Марина (прижимает горошек к груди, крестится): Спасибо, солнышко! Ты только шо спасла наш брак!

Где-то на заднем фоне Катерина фыркает, скрестив руки. Борис, развалившись на стуле, не отрываясь от кроссворда, поднимает на неё глаза — и они обмениваются убийственными взглядами. Тётя Марина, довольная, ковыляет к выходу, по пути задевает гирлянду — та мигает, осыпая её искрящимся светом.

Борис (развалившись на стуле, щёлкает ручкой по кроссворду, с усмешкой): Бедный Шурик... Пилит его — ни выпить с мужиками, ни на рыбалку, ни в баньке толком попариться. Жизни у мужика нет. И во всём, как всегда, виноват.

Катерина (резко оборачивается, руки в боки): Лучше б делом занялся, чем как баба причитать да писульки разгадывать! Толку от тебя — как от Маринкиного Шуры, ноль целых, ноль десятых!

Диана (внезапно хлопает ладонью по прилавку, голос — сталь): Всё! Катерина Михайловна, марш на склад — пересчитать все банки с огурцами! И рыбные консервы разложить на пустые полки, которые со вчерашнего дня красуются в своём великолепии!

Катерина закусывает губу, швыряет тряпку в угол и выходит, хлопнув дверью так, что дрожит стеклянная витрина.

Борис (свистит): Жёстко... Я бы так не смог.

Диана (прищуривается, поправляет фартук): А зря. Будь ты чуть мужиковатее...

Людмила (выныривает из-за стойки, трясёт пожелтевшими листьями): Бубусь, смотри, что нашла! Это же наш город до «цезия-майонезия»!

Диана (закатывает глаза): Ну что за «цезий-майонезий», Людочка?! Если все так говорят — не значит, что добычу газа надо кличками позорить! Ты же не уличная шпана!

Людмила (смеётся, крутя в руках бумаги): Да ладно, просто смешно же!

Диана (махнув рукой): У молодёжи всё «просто»... Иди-ка лучше ёлку собери. Борька тебе макушку прикрутит. (Бросает взгляд на кроссворд.) А свои «писульки» потом доразгадаешь.

Людмила и Борис возятся с ёлкой. Детали скрипят, мишура сыпется на пол.

Людмила (вдруг, задумчиво): А деде где?

Диана (расставляя гирлянды): Баньку топит. С дядькой из соседнего посёлка Новый год встречать будет. Пусть отдыхает — заслужил.

Где-то на складе грохается стеллаж. Звон бьющейся стеклотары. Гулкое эхо. Пауза.

Голос Катерины (из глубины магазина): ТВОЮ МАТЬ!..

Диана (кричит через зал): Ты жива?!

Катерина (появляется в дверях, вся в пыли, руки в рассоле): Жива-жива... Банки разбежались, будто у них планов на вечер больше, чем у меня за год!

Борис (тихо, но чётко, глядя в потолок): Уклюжесть — наше всё... Особенно когда банки начинают жить своей жизнью!

Диана подавляет смех. Людмила фыркает в ладонь. За окном метель завывает ещё громче.

Снаружи – оглушительный удар, будто гром среди зимы. Дребезжащий треск ломающегося дерева – и в тот же миг универмаг погружается в кромешную тьму.

Глухое "Ой!" Людмилы, звон падающей банки. Где-то в темноте Катерина матерится.

Борис (уже распахивает дверь, в проёме мелькает его силуэт): Ё-моё!

Врывается ледяной ветер. Борис исчезает в снежной круговерти.

Диана (в темноте, голос резкий): Свечи! Где чёртовы...

Катерина (звонко брякает ящиком): Ищу, блин!

Шаги, шуршание. Вспыхивает колеблющийся свет зажигалки – Диана высвечивает своё раздражённое лицо.

Людмила (прилипла к окну, заморожено): Мужик... Столб снёс...

Катерина (подбегает, дышит в стекло, оставляя мокрое пятно): Пьяный?

Людмила (прищуривается): Не-а... Вроде вменяемый. Хромает.

Катерина (фыркает): Нерусь его бьёт, что ли?

Людмила (вдруг оживляется): Не-а, Боря ему руку жмёт! Помог из машины вылезти...

Катерина (криво ухмыляется): Пусть поцелует его ещё... (Вдруг заинтересованно.) Симпатичный хоть, этот "неместный"?

Диана (резко оборачивается, свеча в руке бросает прыгающие тени): Катька!

Катерина (невинно): Чё?

Людмила (в экстазе): Одет – хоть на обложку! Машина только... (Смеётся.) Как яйцо после кипячения – треснула на славу!

За дверью – приглушённая ругань. Борис что-то кричит, голос второго мужчины отвечает басом.

Людмила (вскрикивает): Ой, сюда идут!

В универмаге.

Мягкий свет свечей дрожит на стёклах окон, верхних стеллажах и прилавке, отбрасывая причудливые тени. Диана и Катерина только что закончили их расставлять, пока Людмила всё ещё стояла у окна.

Дверь распахивается — вваливаются Борис и Николай, сопровождаемые порывом ледяного ветра и снежной пылью.

Борис (размахивая руками, как шоумен): Дамы, встречайте ночного гостя! До Москвы ему теперь, как мне до Марса — не добраться!

Николай (прихрамывая, шёпотом себе под нос): И связи, как назло, нет... Замечательно. (Громче, с вымученной улыбкой.) Всем доброй ночи. Прошу прощения за... художественную перепланировку улицы. Моя машина решила внезапно стать фигуристкой.

Катерина (скрестив руки, ехидно): Да уж, ваше "выступление" даже столб не выдержал. А теперь нам без света сидеть. (Раздражённо тычет пальцем в сторону холодильников.) Продукты пропадут — будем сухари грызть, как в блокаду!

Николай (вздыхает, потирает переносицу): Извиняюсь, правда. Как будто мне самому весело — машина теперь такой же "рогалик", как и ваш столб. (Бурчит под нос.) Восстановление, наверное, дороже, чем... (Вдруг оживляется.) У вас тут автосервис есть? Или кто-то, кто мог бы хотя бы временно починить?

Диана (пожимая плечами): В такой час? Тут даже кошки на улице не шастают.

Николай (нервно постукивает пальцами по прилавку): А завтра? Мне очень нужно в Москву. Я правда не хотел создавать неудобства, но... (Разводит руками.) Может, такси есть? Или аварийная служба?

Диана (хватает его за рукав, усаживает на табурет): Ой, да успокойтесь вы! Сейчас мы вам ничего предложить не можем — ни такси, ни аварийки, даже чаю. Чайник-то электрический. (Кричит в сторону подсобки.) Людочка, принеси-ка воды гостю!

Людмила кивает и исчезает в темноте.

Диана (прислоняется к окну, всматриваясь в метель): У-у-у, снегу-то намело... Да вы весь продрогли! (Оборачивается, хлопает в ладоши.) Борь, дай ему свою телогрейку! (Заметив, что Бориса уже нет, раздражённо машет рукой.) Убежал, паразит... (Снимает с вешалки старую куртку, накидывает на плечи Николаю.) Вот, держите. Теперь хоть на человека стали похожи... (Вдруг замолкает, смотрит на него пристально.) Совсем как мой сын... (Резко отводит взгляд.) Простите.

Пауза. Николай неловко застёгивает куртку.

Диана (торопливо, чтобы заполнить тишину): Мы тут, знаете, к Новому году готовимся... да и к проверке из Москвы. (Прищуривается.) А вы, случайно, не...? (Машет рукой.) Да нет, глупости. Если бы вы были ими, то ехали бы из Москвы, а не обратно. (поправляет воротник на нём, по-матерински) Застёгивайтесь хорошенько. Вы же, наверное, к нашим холодам не привыкли. (Строго трясёт пальцем.) Отморозите себе что-нибудь — потом всю жизнь вспоминать будете!

Катерина (бросая взгляд на Николая, усмехается): Ди, не пугай гостя своей стариковской заботой, видишь, ему не до этого.

Людмила (выныривает из темноты с бокалом в руке): Я нашла тёплую газировку и перелила её в свой бокал. (пауза, кокетливо) Я его предварительно помыла, не переживайте.

Николай (берёт кружку с розовым котиком, с едва заметной гримасой отставляет в сторону): Благодарю.

Людмила (нахмурившись): Не понравилось? Брезгуете?

Николай (сухо): Не пью газировку. Спорт. Пытаюсь держаться подальше от формы бочки.

Людмила (растягивая слова с обидой): А-а-а-а... ппшник... (хватает кружку, бросает взгляд на Диану)

Диана (строго качая головой): Я вам сейчас сама воды принесу. (уходит)

Николай (вслед, повышая голос): Да не надо! Лучше скажите, как с кем-то связаться. Воды мне не нужно - мне домой нужно! Может, хотя бы стационарный телефон есть? Или гостиница?

Катерина (прищурившись): А вы прям в Москве живёте, да? Какими судьбами к нам занесло? В гости к кому-то?

Николай (раздражённо): Можно и так сказать. Только у вас почему-то связи нет.

Катерина (с сладкой улыбкой): Так это ж либо из-за метели, либо из-за того, что вы нам столб угробили. (хихикает) А вообще, у нас тут связь по чётным четвергам и нечётным вторникам. Сами понимаете...

Николай (стучит кулаком по прилавку): А сегодня нечётный вторник или чёртов четверг?! У вас хоть что-то работает?

Катерина (пожимая плечами): Не-а. В такую пургу о связи до выходных можно и не мечтать. (оживляясь) Стационарный телефон, кстати, только в библиотеке и в море

остался. Правда, библиотека на зиму закрылась, а в морг просто так не попадёшь - нужно заранее записаться.

Николай (в отчаянии): Да как же можно связаться-то?!

Диана (возвращаясь со стаканом, строго): Катька, хватит гостя пугать! (мягче) Но до утра, правда, ничего не сделаешь. Надо ждать, пока наладчик приедет. (подаёт воду) А со связью раньше обеда не надейтесь.

Николай (раздражённо и сдавленно): Замечательно. А переночевать-то где?

Диана (успокаивающе): Найдём, не переживайте. (осматривает его) Вы весь продрогли... Как нога?

Николай (отмахивается): Я в полном поря...

Борис (врывается, перебивая): Генератор нашли! Надо заводить, а то сидим как слепые котята.

Диана (бросая полотенце на прилавок): Сейчас помогу. Не сидеть же в потёмках.

Людмила (хватает её за рукав): Ба, не надо, спину надорвёшь! Я пойду.

Катерина (переступая с ноги на ногу): Да останься ты, не разберёшься. (вздыхает) Ладно, я пойду. Хотя и посмотреть на его рожу тошно, но подсобить смогу. Я крепче вас обеих.

Николай (резко встаёт): Давайте уж я пойду. (сухо) Не женское это дело. Да и машина там моя - как бы чего не подзадели. (берёт куртку) Чем сидеть - хоть что-то сделаю.

Катерина (игриво): А вы-то сможете? (быстро) Не то чтобы я сомневаюсь в вас как в мужчине, не подумайте! Просто вы и так пострадали, а мы привычные...

Николай (перехватывая взгляд Бориса, запинаясь): Да и мне... как бы тоже.

Борис и Николай уходят. Дверь захлопывается. Женщины переглядываются. Где-то снаружи слышен рёв заводимого генератора.

Катерина (бросает тряпку на прилавок, скрестив руки на груди): Опять ты со своими воспоминаниями? Чуть новый мужик появился — сразу в сопли. (язвительно) Мужичок-то ничего... Хотя эта его фраза про "подзадеть" — ну чисто московское высокомерие! Хмырь напыщенный. Москвич, едрённый скалолаз...

Диана молча продолжает протирать банки, её движения становятся резче. Стекло звенит под тряпкой.

Людмила (встаёт между ними, защищая Диану спиной): Отстань ты от неё! Сама-то не лучше. (передразнивая) "Не то чтобы я сомневаюсь в вас, как в мужчине..." Хвост распустила, слюни до пола — а теперь грязью поливаешь. Мужик как мужик. Тебе хоть стыдно-то?

Катерина (резко поворачивается, глаза сверкают): А ты не лезь, когда взрослые тётки разговаривают! (бросает в её сторону коробку с игрушками) Вот, займись делом!

Коробка падает, рассыпая ёлочные шары. Один с хрустом лопаётся под ногой Людмилы.

Людмила (тихо, но чётко): Что ты за человек такой, а?

Катерина (насмешливо): Какой?

Людмила (делает шаг вперёд): Злая. В тебе ни грамма тепла. Ни капли доброты.

Катерина (фальшиво улыбаясь): Ой, святая девочка нашлась! (резким движением смахивает пыль с полки) Жизни учит, а сама из-под юбки моей только вылезла!

Людмила (внезапно громко, указывая на Диану): Эй, ба ведь не только твоя мать! Она ещё и наша начальница. Можно было бы и уважать её хоть немного!

Тишина. Катерина замирает, потом резко хватается куртку.

Катерина (с горькой усмешкой): Я же злая... Откуда мне знать про ваше "уважение". (Фыркает, хлопает дверью. На улицу вырывается клубящийся пар.)

Людмила (осторожно подходит к Диане, обнимает сзади, прижимаясь щекой к её спине): Бубусик... (тихо) Не слушай её. Она не со зла. Где-то там, глубоко... она хорошая. Просто очень несчастная. Ты же знаешь...

Диана наконец перестаёт тереть банку. Её плечи слегка дрожат. За окном метель завывает ещё сильнее, заставляя свечи трепетать.

В универмаге резко загорается свет. Женщины моргают, ослеплённые. С улицы вваливаются Борис и Николай, разгорячённые, с красными от мороза щеками. Николай что-то оживлённо объясняет на пальцах, Борис громко хохочет.

Борис (оглядываясь, переходя на шёпот): Куда мать дела?

Людмила (не разжимая объятий вокруг Дианы, уткнувшись носом в её плечо): Вышла... подышать.

Пауза. Николай замечает заплаканные глаза Дианы, неловко откашливается.

Николай (отступая к двери): Походу, мы тут не к месту...

Диана (резко выпрямляется, вытирая ладонью щёку): Всё хорошо. Сейчас... Глубокий вдох. Вы извините, Николай, что вот так вот... Жмёт себе пальцы, не находя слов. Не должна была к первому встречному с воспоминаниями лезть... Голос дрожит. Сын погиб. Несколько лет назад. Совсем мальчишка был... Вдруг срывается в шёпот. Пошёл на реку, и... и... машет рукой, будто отгоняя что-то. Вы мне его — чертами лица — напомнили...

Тишину взрывает Борис, швыряя шапку на прилавок.

Борис (шипит, сжимая кулаки): Опять эта мымра довела?!

Людмила молча кивает, пряча лицо в складках Дианиного фартука.

Борис (рвётся к выходу): Ну я ей щас...

Диана (резко перехватывает его за рукав): Не надо! Всё уже... Выдыхает, поправляет причёску. Мне не привыкать. Насильственно-бодро. Чаю будете?

Николай (торопливо, чтобы разрядить обстановку): С удовольствием. После холода — самое то.

Пока Диана хлопочет с чайником, Борис швыряет на стойку пачку кроссвордов, тыкает в них ручкой так, что бумага рвётся.

Борис (сквозь зубы): Стерва...

Диана (не оборачиваясь, но голос — как хлыст): Боря! Слова-то подбирай!

Николай тем временем садится на табурет, украдкой разглядывает магазин. Достает блокнот, что-то зарисовывает. Людмила и Диана носятся между кухней и залом — появляются пирожки с румяными боками, чашки с позолотой, дымящийся чайник. Когда Людмила с торжеством подносит Николаю чашку, тот на этот раз берёт её двумя руками, кивает с тёплой ухмылкой. Девочка сияет, будто подарила ему целое королевство.

За окном метель стихает. В универмаге пахнет корицей и чем-то неуловимо домашним.

Николай (отхлебнув чай, с искренним удивлением): Ваши пирожные и пирожки — просто объединение. Спасибо.

Диана (с гордостью поправляя фартук): У нас всё домашнее, своё, родное. Никаких полуфабрикатов! (Подвигает тарелку ближе.) Берите ещё, не стесняйтесь.

Николай (поднимает бровь): Так это вы сами...?

Катерина (врывается в разговор, распахивая дверь): Конечно! Мы здесь всё сами... Ма...

Борис (перебивает с нарочитой громкостью): А Дианина выпечка — это нечто! (Шепчет Николаю.) Хотя печенье у нас постоянно кто-то ворует...

Николай (растерянно): Печенье?

Катерина (резко перебивает): Не слушайте его! У него склероз — сам съедает и не помнит!

Борис корчит ей смешную рожу. Катерина в ответ демонстративно показывает язык. Диана закатывает глаза, наблюдая за этой сценой.

Диана (вздыхая): Совсем как дети малые...

Катерина (начинает): Ма, ты меня...

В этот момент Людмила с торжествующим видом включает гирлянды на ёлке. Яркие огни вспыхивают, отражаясь в её сияющих глазах. Она прыгает на месте, хлопая в ладоши.

Диана (махнув рукой Катерине): Проехали. (Обращаясь к Николаю.) Николай, может, ещё чаю?

Николай (вежливо): Спасибо, не стоит.

Диана (внезапно серьёзная): Вы меня простите ещё раз... Я не должна была... Голос дрожит. Мы с мужем до сих пор не можем прийти в себя. Когда теряешь единственного сына... Шепчет. Не дай бог родителям хоронить своё дитя... простите...

Николай (смущённо): Не надо. Мой отец тоже так говорил — перед тем, как нас с матерью из дома выгнали. Газовики землю выкупили. (Пауза.) Ваш сын... он хоть успел повзрослеть.

В этот момент раздаётся звонок его телефона. Николай оживляется, с облегчением хватается за телефон.

Николай (радостно): О! Связь появилась! (Резко переходит на деловой тон.) Алло, да. Я немного застрял. Всё в порядке. (Раздражённо.) Нет, не надо переживать, сколько можно! Да... Нет... (Твёрдо.) Вернусь после Нового года. Так получилось. (Громче.) Да, я помню, что обещал! Я всегда держу слово, не надо меня проверять, я тебе не мальчик! (Резко.) Слушай сюда. Короче, вернусь когда решу. Твоя задача — следить за Сеней. Или я попрошу Машку, если тебе пофиг. Всё. (Резко бросает трубку.)

Катерина (кокетливо): Это жена расстроилась, что вы не приедете?

Николай (сухо): Подруга. Присматривает за котом, пока я в командировках. (Раздражённо.) И почему это я не приеду? Я не планировал здесь задерживаться.

Диана (осторожно): Вы как-то... резко с ней... простите, если лезу не в своё дело...

Николай (пожимает плечами): Ничего. Полезно будет — чтоб не зарывалась.

Катерина (игриво): У вас есть кот? Этот... Сеня, да?

Николай (набирая номер): Да, мейн-кун. Семён.

Катерина (притворно-восхищённо): Мейн-кун? Это что-то из восточных единоборств?

Борис (не отрываясь от кроссворда): Вроде того. Только он мастер боевых лежанок — его величество покоя никто не смеет тревожить.

Катерина (с преувеличенным восхищением): О, так это другой уровень спокойствия! Я в восторге!

Борис (с сарказмом): Вот именно — идеально для нежных натур, ценящих порядок и тишину. Не правда ли, Катерина?

Катерина (сладко): Абсолютно верно! Ведь я — само спокойствие. Особенно в пятницу вечером! (Бросает многозначительный взгляд.) Ну, ты же знаешь...

Николай, явно уставший от этого диалога, встаёт и отходит к окну, снова набирая номер. За его спиной Катерина и Борис продолжают перепалку глазами.

Николай (отвернувшись к окну, прижимает телефон к уху, голос напряжённый): Доброй ночи, Пётр Сергеевич. Простите за поздний звонок... (пауза) Непредвиденные обстоятельства. Да. Попал в аварию. Нет, я в порядке, но машина... (нервно проводит рукой по волосам) Механиков тут, похоже, днём с огнём... (понижает голос) В какой-то глухомани. Сам не пойму как оказался... Занесло на повороте, столб снёс. Сейчас в местном универмаге. (фальшиво смеётся) Нет-нет, не за покупками! Люди здесь... (бросает взгляд на Диану) очень душевные. (резко) Но выбраться до утра — невозможно. Поручение? Конечно выполнил! Хотел утром детали обсудить, но... (внезапно замирает) Где? В ста-двухстах километрах от Пеньково. (лицо вдруг становится каменным) В смысле "где должен был"? Вы же сами... (глотает) Понял. До свиданья... (резко кладёт телефон)

В наступившей тишине слышно, как трещат свечи.

Катерина (осторожно): Что-то случилось? Вы аж побелели...

Николай (механически): Пустяки... Проблемы из-за метели и этого чёртова столба...
(резко переключается на Людмилу) Давайте, я вам помогу! (хватает гирлянду из её рук, вешает, движения резкие)

Катерина, Диана и Борис обмениваются красноречивыми взглядами.

Людмила (разглядывает его блокнот лежащий на столе): Ой, а это что?

Николай (резко вырывает из рук закрывает): Не твоё дело.

Людмила (указывает на угол страницы): Тут же котик нарисован!

Николай (после паузы): Сеня... Он дома одного сидит.

Людмила: А вы добрый. Злые про котиков не рисуют.

Николай (сжимая блокнот): Рисуют, если больше некому.

Людмила (мягко и уверенно): Папа всегда говорит — доброго человека видно сразу. А ды — да, добрый. У вас добрые глаза. (бросает взгляд на Катерину) Но сейчас вы чем-то расстроены...

Николай (внезапно): Скажите, Люда, как называется ваш посёлок?

Людмила: Пенёво. Вы же из Пеньково? Гостили у кого? (успокаивающе) Не переживайте за машину! У нас есть Дима-механик — золотые руки! Утром я сама за ним сбегая, и вы поедете к своему Семёну. (оживляется) Кошки ведь так переживают, когда хозяина нет! Для них даже рабочий день — как целая жизнь. А люди с питомцами... они не могут быть злыми. Вы добрый, Николай. Удача вам улыбнётся! И с работой всё наладится — это же начальник звонил? Ругал вас, но... (уверенно) Я в вас верю!

Николай смотрит на неё, будто впервые видит.

Николай (тихо): Спасибо... А вы давно здесь работаете?

Людмила (оживляется): Второй год! Но я с детства мечтала быть врачом... (вдруг грустнеет) Только время упущено. Да и куда я денусь от родителей, от магазина... Бабушка его держит, дед помогает. (понижает голос) Хотя мама с бабушкой вечно ссорятся. Мама всех задевает... (вздыхает) Несчастливая она. Хотела уехать, но с папой развелась, сошлась с Борькой... Он обещал переезд, но... (машет рукой) Домосед.

Николай (изумлённо): Вы удивительная, Людмила.

Людмила (смущённо): Разве в Москве не такие?

Николай (горько усмехаясь): Не все... Вы — особенная. У вас всё получится... (внезапно сжимает кулаки) А я, кажется, облажался по-крупному... (тихо, сдавленно) Это точно Пенёво?..

Людмила молча кивает. За окном метель внезапно стихает, и сквозь разрывы туч проглядывает луна.

Диана (строго, но с заботой в голосе): Ну что ты к человеку с расспросами лезешь, как следователь какой...

Борис (потирая замерзшие руки, бодро): Ну что, капот твоей ласточки — в хлам, но внутренности, похоже, живы. Хотя разбираться — это к нашему Димону, доктору механики. Только вот дрыхнет он, пади, как суслик зимой... (смеется) Видать, его самого чинить надо! Будем ждать, пока в себя придет.

Катерина (язвительно): А случится это не раньше второго января.

Николай (нервно шагает по залу): Я не могу так долго ждать! Можно хоть что-то сделать? Такси? Хотя...

Борис (разводит руками): Можно на машине Шуры попробовать, да только Маринка его вряд ли отпустит. Проще на собаках, честно.

Николай (сжимая телефон): Спасибо, очень помогли... Мне завтра к девяти утра в городе быть надо!

Борис (сочувственно хлопает его по плечу): Ну, дружище, тут только телепорт.

Диана (успокаивающе): Не дури человеку голову. Николай, мы бы с радостью, но ничем помочь не можем. Димка, механик, сами понимаете...

Николай (взрывается): Да вы издеваетесь! Мне в Москву надо, кот один, подруги, которых я попросил, — они и покормить забудут, и убрать за ним! Плюс начальство три шкуры спустит, если я не... (резко обрывает) Я и так облажался по самые помидоры, а теперь застрял в этом Богом забытом месте! Машина — хлам, а вы мне про какого-то механика, который еще и спать будет до второго! Эвакуатор надо вызывать, а не время терять!

В универмаге повисает неловкая тишина. Николай тяжело дышит, потом с силой бросает телефон на прилавок.

Николай (тише, но с горечью): Нет, спасибо вам за помощь. Низкий поклон. Но мне реально пора! Где тут у вас автовокзал? Хоть электрички ходят? (снова хватается телефон, трясет его) Что за дыра?! Опять связи нет! Твою ж мать!

Борис (спокойно): Колян, не кипятись раньше времени. Мы чем смогли — тем помогли. Но сейчас реально ничего не сделать... разве что в сугробах с фонарем ползать. А этого, уж извини, как-то не хочется.

Катерина переглядывается с Дианой, та делает ей строгий взгляд.

Борис (продолжает): А электрички... в праздники они у нас не ходят. В обычные дни — как повезет. Короче, завтра разберемся.

Николай (выдыхает, потирает виски): Ладно... погорячился. Вы и вправду ни при чем. Это нервы. Не люблю, когда все идет не по плану.

Катерина (саркастично): Знал бы ты, сколько раз Боря «помогал» таким же, как ты, а потом становилось только хуже. Так что я бы не советовала.

Борис (криво улыбается): Катюха, не беси, иди лучше кассу пересчитай. Или что ты там обычно делаешь вместо работы.

Катерина (вспыхивает): Борис, ты знаешь, как я не люблю, когда ты меня так называешь!

Борис (подмигивает): Ладно, Сёнок, не буду. Только не злись, а то у тебя веснушки зеленеть начинают.

Катерина аж подпрыгивает, бежит к зеркалу, в панике осматривает лицо. Возвращается, красная от злости.

Борис (смеется): Сколько лет прошло, а ты всё ведешься.

Катерина (сквозь зубы): Ну и гад же ты!

Борис (ухмыляется): И я тебя люблю.

Диана (перебивает, хлопая в ладоши): Ну хватит вам! Николай, ночью все равно ничего не сделаешь — чего нервы трепать? Лучше отдохните. Гостиницы у нас нет, но можем предложить подсобку. Знаю, не шикарно, но... (пожимает плечами) Чем богаты. Белье чистое, я уже постелила. Надеюсь, не побрезгуете.

Николай смотрит в окно, где метель снова усиливается, и сдаётся.

Николай (устало): Раз других вариантов нет... ведите.

Борис кивает Николаю, и они уходят вглубь магазина. Остальные потихоньку собираются. Последним уходит Борис — приглушает свет, ещё минут десять возится у двери с железными банками, словно оттягивает момент выхода на холод. А в маленькой комнатке за прилавком Николай ворочается на крахмальных простынях, которые пахнут, как в детстве у бабушки. Сон не приходит.

Сцена 2

Ранее сумрачное утро. В универмаге горит дежурный свет. Свечи потушены. В подсобке мирно спит Николай, оставленный на ночёвку в закрытом магазине. Его сон прерывает грохот — кто-то яростно дёргает входную дверь. Звенят пустые пластиковые бутылки и жестяные банки, подвязанные над входом.

Тётя Марина (врывается, растрёпанная, сонная злость на лице): Тьфу ты! Опять свою сигналку повесил! Боря, ты где? Дрыхнешь, пади, на рабочем месте? Я всё Диане расскашу! (Замечает сонного Николая, рефлекторно хватает упаковку торта «Наполеон» и замахивается) А вы... вы кто ещё такой? Где Борис?!

Николай (спросонья поднимает руки, голос хриплый от сна): Спокойно, женщина... положите торт. Он ни в чём не виноват. Вы чего-то хотели?

Тётя Марина (прищуривается, не опуская «оружия»): Вы кто такой? Новенький? Я вас шдесь не видела раньше! И кто тут беспорядок устроил перед входом? Борис где?!

Николай (зевает, потирая глаза): Не слишком ли много вопросов для утра? Я ещё не проснулся. Вы чего хотели?

Тётя Марина (ещё злее): Я тебе покашу, много вопросов! Я тебе сейшас так покашу, ворюга! (Замахивается тортом. Николай инстинктивно прикрывается буханкой бородинского хлеба. Торт вылетает у тёти Марины из рук.) Пробрался в магашин и уснул! Тебе шо, ношевать негде, бедолага?! (Снова замахивается, но Николай ловко парирует хлебом.)

Николай (уже проснулся, голос твёрдый): Так, женщина. Угломонитесь. Поднимите торт и положите на место. Или берите его — надеюсь, вы за ним пришли. (Ловко уворачивается, отступает за кассу и с деловым видом начинает тыкать в кнопки.)

Тётя Марина (внезапно смущается): Так вы... новенький? Ишвините пошалуйста, я вшера вас не видела. Обышно мне Борис открывает и выдаёт молока и пашку сметаны. А тут вы... шо я могла подумать?

Николай (сухо): Так вам молока и сметаны?

Тётя Марина (виновато): Да. Спасибо. Ещё раш ишвините.

Николай (слабая ухмылка): Ничего страшного. И вот что... в следующий раз, когда захотите кого-то побить «Наполеоном», присмотритесь — нет ли у него в руках «Бородино». (Кивает на хлеб.) Может, торт всё-таки возьмёте?

Тётя Марина (ворчливо): Вошьму. И хлеб тоше. Бородинский.

Николай (ухмыляется): Ох, не дружат они же...

Тётя Марина (не понимая): Што?

Николай (машет рукой): Ничего. Всего доброго.

Тётя Марина ковыляет к выходу, спотыкается о банки, ворчит.

Тётя Марина (ворчит, распутываясь): Сколько раш я ему говорила, шо лушше бы к моему Шурке обратился — тот бы ему сигналку органишовал! Так нет, хошет всё сам, своими руками. (Вышла, но тут же возвращается.) А вы, слушайно, не знаете, шо за машина столб-то снесла?

Николай (ровно): Моя.

Тётя Марина (подозрительно): А вы кто вообще такой?

Николай (вздыхает): Я Николай. Гость.

Тётя Марина (вскидывается): Так ты всё-таки не сменщик Бориса! Ах ты ворюга! А я ему ещё деньги свои кровные отдала! За сметанку! За молошко! Он мне и торт втюхал, а я не ем сладкое!

Николай (устало): Так вы его сами помяли, пока меня били. И не ворюга я. Гость.

Тётя Марина (не сдаётся): Откуда ты такой вшялся, гость?

Николай (потирает виски): В Москву ехал из... Занесло. Дороги-то у вас никто не чистит.

Тётя Марина (достаёт фляжку с чаем, делает глоток): Ну так, шай не Москва. У вас там всё с шампунями моют, а шдесь природа сама, да сама.

Николай (сухо): Это я уже понял.

Тётя Марина (присматривается): А шего ты прикошунил, то?

Николай (задумчиво): Мне очень хотелось надеяться, что это всё сон.

Тётя Марина (сочувственно): Соболезную, милочка. (Ещё глоток.) С девкой шо ли потявкали, али шего?

Николай (коротко): Нет, не с девкой. По работе накосячил. Теперь, похоже, здесь задержусь — иначе с работы выгонят.

Тётя Марина (смеётся): Шкрываешься?

Николай (пожимает плечами): Нет. Должен был в одном месте быть, а оказался в другом. А потом...

Тётя Марина (тычет в шоколадку на прилавке): А эта шоколадка свешая?

Николай (безразлично): Понятия не имею.

Тётя Марина (кивает): Ну да, откуда ш тебе шнать. Хотя у них иш свешего только Дианкины булки. (Философски.) Шизнь без хлеба — не шизнь. Вот што я тебе скашу... (Вдруг переключается.) Я и своему Шурке кашдый день говорю, шобы он мушное ел, а он всё отнекивается! Вот и ходит дрышом, шо ветром сдувает. А раньше каким красавшем был... спортсмен! Капитаном третьего ранга! А потом вышел на берег — и усё. Таять нашал, на глазах. Как я его только не откармливала! А он воршит: «Ты меня откормишь, и пушо повиснет». Смеху-то! Какое пушо, когда он как осиновый лист?! И ведь не шаставишь — обижаётся. Мол, я его строшаю, всем рассказываю, как я над ним ишдеваюсь, шитья не даю. И ведь действительно так думают, потому шо дрыш-дрышом! Говорят, я его пилю... а я просто боюсь, што он уедет и не вернётся...

Николай (внезапно оживляется): О! Шурка... случайно, не тот, про которого вчера Борис говорил? (Быстро.) То есть, у вашего Шурки... машина есть? Может, одолжите мне на время? Туда и обратно?

Тётя Марина (сразу настороженно): Растрешвонил, шначит. (Твёрдо.) Понимаешь, гость, я не хошу муша отпускать до Нового года. Никуда. Тем более в Москву, вашу. У него там по молодости интришка была, поэтому прости, но помощь не могу.

Николай (настойчиво): Я могу за ним проследить. Или просто одолжите машину — до Нового года она вам вряд ли пригодится. Я заплачу. И свою оставляю как залог.

Тётя Марина (фыркает): Эту гору мусора? Нет уш, спасибо. А вдруг ты на нашей уедешь и не вернёшься? Все вы такие — снашала шубы шаговариваете, а потом тю-тю!

Николай (сквозь зубы): У меня кот один дома. Пожалуйста, войдите в положение.

Тётя Марина (решительно машет рукой): Ты мне голову не пудри!

За дверью слышен шум проезжающей машины. Николай напряжённо всматривается в окно — не его ли эвакуатор? Но пока только метель кружит за стеклом.

Входят Борис и Диана.

Тётя Марина (указывая на Николая, возмущённо): Динка! Я тут вам вора поймала! Он меня на торт обул ещё! А я сладкое не ем!

Николай (спокойно, но с лёгкой иронией): Да вы меня сами тортиком избили и помяли его. Я же предупреждал — положите Наполеона на место, от греха подальше.

Тётя Марина (размахивает руками): Молши, шулик! Ешё и машину украсть хотел!

Николай (пожимает плечами): Я бы вам заплатил.

Диана (устало): Марин, успокойся, никакой это не жулик. Это наш гость.

Тётя Марина (фыркает, скрещивает руки): Боря шашем-то рассказал о нашей машине. Мне это не нравится. Я никому не дам кататься на нашей машине! Не для этого мы на неё горбатились! Шурик мой на неё шдоровье полошил!

Николай открывает рот, но Борис кладёт ему руку на плечо, останавливая.

Диана (мягко, но настойчиво): Марин, ему действительно нужно домой. Диму сейчас не дожидаться, других вариантов нет.

Тётя Марина (резко поворачивается к двери): Не дам! (Хлопает дверью так, что звенит стекло).

Диана (вздыхает, обращаясь к Николаю): Тяжёлый случай. Извини, мы попытались.

Борис (усмехаясь, толкает Николая локтем): Надеюсь, немного хлопот Маринка тебе доставила, а?

Диана (строго): Не до смешного сейчас... Голос становится тише, задумчивее. Всё, блин, не так, кувырком пошло. Посёлок-то наш раньше совсем другой был, душевный. Люди добрые, соседи как семья... Горько улыбается. Не то что сейчас. Кивает на дверь. Огоньки в домах теплились, каждая улица своя, родная. А теперь...

Пауза. Николай внимательно слушает.

Диана (продолжает, с горечью): Сначала вахтовики потянулись, будто лосиха в осенний пруд — тяжёлые, грузные, под себя всё перестраивали. А теперь каждая собака о заводе этом толдычит... Разводит руками. У людей, которые повидали на своём веку, в голове-то, похоже, жар пошёл. Вон, Маринка — тому подтверждение.

Борис (кивает): Я тоже так считаю. До «цезия-майонезия» у нас воздух чище был, да и люди добрее. А не вот это вот всё.

Николай (внезапно оживляется): До чего?

Диана (машет рукой): Не обращай внимания. Это наша ребятня местная придумала. Когда вахтовики понаехали, газ добывать. У них какой-то новомодный майонез появился, которого у нас не было. Название ещё какое-то было, заморское, странное. Вроде на «Ц» начиналось...

Борис (подхватывает, с усмешкой): А когда поймали за руку некоторых, те в отместку, что вахтовики пожадничали, придумали частушку матерную. И в ней окончание было, про «цезий-майонезий». Вот и прилипло. Пожимает плечами. Теперь почти все так добычу газа называют у нас.

Николай (слабый смешок): Понимаю. Типа местного мема. Забавно.

Борис (кивает): Типа того.

Тишина. Диана тревожно поглядывает на часы.

Диана (озабоченно): Что-то наши девочки задерживаются. Обычно Людочка приходит даже раньше меня.

Николай (торопливо): Она вчера пообещала к Диме вашему сходить, по поводу моей машины. Поэтому, скорее всего, и задержалась. Если что, не ругайте её.

Диана (мягко): Да я и не собиралась.

Борис выглядывает в окно, хмыкает.

Борис (усмехаясь): А вон и девчонки наши. В своём репертуаре...

Диана (подозрительно): Тяфкаются?

Борис (кивает): Угу.

Диана (вздыхает): Главное, чтобы не подрались. А то в прошлый раз...

Николай (любопытно): В прошлый раз?

Диана (качает головой): Вцепились друг другу в волосы как кошки. Стар и млад, называется. Не хотят друг другу уступить.

Николай (с ухмылкой): Из-за чего?

Борис (разводит руками, смеётся): Поймёшь, что ле, этих баб?

За дверью слышны голоса — Людмила и Катерина спорят, их тени мелькают за стеклом. Николай смотрит в окно, потом переводит взгляд на Бориса и Диану. В воздухе висит неловкость, но сквозь неё пробивается что-то тёплое — как свет гирлянд на ёлке, мерцающий в углу.

Дверь универсама распахивается с грохотом. Вваливаются Катерина и Людмила — обе с покрасневшими щеками, глаза сверкают. По их взъерошенным волосам и сжатым кулакам видно: спор в разгаре.

Людмила (выпаливает первой, тыча пальцем в Катерину): Я первая!

Катерина (саркастично кланяясь): О-о-о, королева универсама нашлась! (Борису) Видел бы ты, что она устроила! Возомнила, будто вправе мне указывать! Опоздала на полчаса, а теперь каждую мою вещь взглядом осуждает!

Борис (потирая переносицу): Я же говорил, тебе надо быть помягче...

Катерина (взрывается): Это ей надо быть мягче! Мне эту шмакодявку слушать?!

Людмила (в отчаянии к Диане): Ба, это невыносимо! Она ведёт себя, будто все должны перед ней на задних лапках ходить!

Николай отодвигается к прилавку, наблюдая за разборкой с видом человека, внезапно попавшего на семейную терапию.

Катерина (сквозь зубы): Всыпать бы тебе по первое число...

Людмила (резко): Ты бы лучше на часы смотрела! Опаздываешь!

Катерина (вскидывается): Я твоя мать, в конце концов!

Людмила (вдруг смущается): А я... я к Диме ходила! Как обещала! (Тихонечко) Только он... руки у него тряслись. Я испугалась...

Тишина. Диана тяжело вздыхает, Борис почесывает затылок.

Борис (бодро): Ладно, девчонки! Где наша не пропадала! Может, мы с Колей сами разберёмся?

Катерина (язвительно): Ну давай, герой! Попытай счастья!

Диана (успокаивающе Николаю): Вернётесь домой, и всё будет хорошо.

Николай (вдруг ухмыляется): После сегодняшнего утра мне уже ничего не страшно.

Катерина (фыркает): Маринка умеет боевой дух поднимать!

Все смеются. Напряжение спадает.

Диана (решительно): Главное — не падать духом. Коля теперь как родной. (Борису) Всё починим...

Борис (подмигивает Николаю): А не починим — к Шуре пойду. Только завтра — праздник же! (Смеётся) Ну что, с боевым крещением!

Николай подходит к окну. За стеклом — метель, но в его глазах вдруг появляется какая-то странная ясность.

Николай (неожиданно тихо): Знаете... возвращаться в Москву мне страшно. Впервые за много лет — страшно. (Поворачивается к ним) И не страшно в этом признаться. С вами я... будто оживаю. А там меня ждёт, кабинет с видом на промзону, кот, который уже забыл мой запах, и начальник, который напомним, что я — винтик. А здесь... здесь я хоть кто-то...

Все замирают. Борис открывает рот, закрывает. Катерина перестаёт жевать жвачку. Людмила широко раскрывает глаза.

Борис (спустя неловкую паузу): Так... мы чиним машину или нет?

Николай (вдруг оживляется): Эх, взять бы Сеньку да переехать сюда! Бросить эту работу с этими... губастыми хапугами. Купить дом. Жить...

Диана смотрит на него с теплотой, Катерина поднимает бровь, Людмила улыбается.

Борис (пожимает плечами): Так переезжай!

Все (нестройным хором): Да!.. Да... Да...

Диана (мягко): Нам приятно, когда кому-то нравится наш мирок.

Катерина (вдруг серьёзно): Только бы бараки эти снесли... Неприятно на эту "угнетайку" смотреть.

Людмила (фыркает): Уг-не-та-й-ку!

Все смеются. Диана хлопает в ладоши.

Диана: Всё, хватит болтать! Боря — сумки разбирай. Катя, Люда — скатерть, приборы. (Николаю) А вам самое важное — салаты мешать!

Борис (оживлённо): А горячее будет?

Диана (подмигивает): Ножки в микроволновке разогреем. Давайте, бегом-бегом — не успеем!

Все бросаются выполнять поручения. Николай остаётся у окна, смотрит на метель. Впервые за долгое время его лицо не напряжено. За спиной — смех, звон посуды, спор Катерины и Людмилы о том, как правильно стелить скатерть. Здесь, в этом Богом забытом универмаге, он вдруг почувствовал себя... дома.

Борис и Николай ставят раскладной стол возле ёлки. Гирлянды вспыхивают, заливая помещение мягким мерцанием. Из колонок льётся тихая рождественская мелодия. Людмила помогает Катерине накрывать стол — скатерть ложится ровно, тарелки звенят. Николай в углу сосредоточенно мешает салаты в больших мисках. Диана расставляет банки с домашними заготовками.

Катерина (хлопоча с посудой): Ох, сколько всего! Боря, тащи бокалы — в подсобке, на нижней полке. Только, ради Бога, не разбей!

Людмила (бросая взгляд на часы): Уже почти шесть. Надо поторопиться.

За окном свет постепенно меняется — день уступает место тёплому вечернему закату. Борис возвращается с коробкой бокалов, аккуратно прижимая её к груди.

Борис (торжественно): Давайте превратим этот вечер в сказку!

Диана (улыбаясь): Я за шампанским.

Борис (оживляясь): Я с тобой!

Диана (строго): Ты всё равно не знаешь, где я его прячу. И не узнаешь. Жди здесь.

Она возвращается с двумя бутылками. Стол накрыт — блестит хрусталь, мерцают свечи. Девушки поправляют причёски у зеркала. Борис, поймав их отражение, плюёт в ладонь и приглаживает волосы — мол, и так сойдёт. Николай, заметив это, выходит к машине и возвращается с расчёской, предлагает её Борису. Тот отмахивается. Фоном звучит "Last Christmas".

Диана (оглядывая стол): Уже одиннадцать. Давайте провожать год... Все за стол.

Людмила (вскакивает): Стойте! Мы же забыли про традицию! (Убегает, возвращается с потрёпанной папкой и блокнотом, протягивает Николаю.) Думаю, вам стоит начать.

Николай (растерянно): А что делать?

Людмила (вкладывает ему в руку ручку): Просто напишите, о чём мечтаете. Или пожелайте что-то на будущий год.

Все по очереди пишут в блокнот. Катерина, заглядывая через плечо Бориса, вдруг ахает.

Катерина (саркастично): Надо же! В прошлом году я мечтала тебя убить!

Диана (строго): Правила знаешь — перечитывать можно только своё.

Катерина (не слушая): Да ладно... Ты же предсказуем... (Вдруг замирает, глаза расширяются.) Ты хотел уехать?! Почему?!

Борис (спокойно): Потому что я предсказуем.

Тишина. Остальные застывают. Диана и Людмила делают вид, что углубились в разговор. Николай рассматривает полки. Но напряжение между Катериной и Борисом нарастает — они смотрят друг на друга, будто вокруг никого нет.

Катерина (тихо, сдавленно): Ты же обожаешь наш городок! Ты даже ради меня не хотел уезжать!

Борис (вдруг резко): Из-за тебя.

Катерина (вскидывается): Я-то тут при чём?!

Борис (сжимая бокал): Ты не даёшь мне дышать. Контролируешь каждый шаг. Я тебе не собственность, Кать. (Тише.) Если бы не Диана с Людой, я бы уехал ещё весной.

Катерина бледнеет. Борис продолжает, глядя ей прямо в глаза.

Борис: Цепляясь за прошлое, ты делаешь больно нам обоим.

Тишина становится густой, тяжёлой. Они "кричат" молча — Борис сжал кулаки, Катерина дышит резко, её взгляд колющий. Проходит несколько секунд. Вдруг что-то в их глазах меняется — гнев сменяется усталостью, потом пониманием. Николай кашляет, отвлекая Бориса. Тот оборачивается, кивает. Катерина тоже слегка опускает голову. Молчаливое перемирие. Но она резко встаёт и выходит на улицу. Борис залпом осушает бокал.

Диана (тихо, но твёрдо): Когда я говорила, что тебе надо быть мужиковатее, я не это имела в виду. Иди за ней.

Борис медленно поднимается и выходит за Катериной. Остальные переглядываются. Где-то за окном слышен смех — может быть, их, а может, просто ветер играет с пустыми банками у двери.

Приглушённый свет в универмаге. За столом — Диана, Людмила и Николай. В стороне, на крыльце, стоит Катерина, обхватив себя за плечи. Борис подходит к ней.

Борис (тихо): Сёна, ты чего?

Катерина молчит, смотрит в метель.

Борис (мягче): Сёнка. Замёрзнешь же, пойдём внутрь. Не дури.

Катерина (не оборачиваясь): А ты помнишь... тот день?

Борис (вздыхает): Когда ты собрала вещи и ушла? Или когда орала, что мы должны свалить в Москву? Или...

Катерина (перебивает, голос дрожит): Тот день, когда ты первый ко мне подошёл. На вечеринке.

Пауза. Борис замирает, потом тихо напевает: "Riiiiing my be-e-ell, ring my bells..."

Катерина (вдруг смеётся сквозь слёзы): Какое ужасное произношение... (Оборачивается.) Ты... прости меня. Ты прав.

Борис (обнимает её): Тише...

Они стоят так, пока за их спинами Николай берёт гитару. Свет переключается на стол, где Людмила задувает свечи. Гитара тихо играет "Милая моя". Телевизор в углу усиливает звук курантов.

Борис (шёпотом Катерине): Хрен с ним, с заводом. Скажем "майонезному", что нам это не нужно. Заживём как раньше.

Катерина (прижимаясь к нему): Правда?

Борис: Правда, Сёneckка, правда. Пойдём...

В двенадцатом ударе все поднимают бокалы. Николай отходит к окну, достаёт телефон. Экран молчит. Он пьёт залпом, лицо искажает гримаса.

Катерина (сочувственно): Что, молчит?

Николай (резко): Неважно! (Бросает взгляд на всех, голос срывается.) Да гори оно всё пропадом!

Гитара замолкает. Все застывают.

Николай (бьёт кулаком по подоконнику): Всю жизнь как проклятый на побегушках! Ни семьи, ни друзей — только кот! (С горькой усмешкой.) Вы, Людмила, говорили — я хороший. А я гнилой! Разбитый! Как та машина под снегом...

Диана делает шаг к нему, но он резко оборачивается к окну.

Николай (тише, но с надрывом): Я людей с родных мест сгонял... и даже не моргнул. А теперь... (Вдруг обрывает, смотрит на Диану.) Вы... вы мне мать напоминаете. Тёплый голос, добрые глаза... (Голос срывается.) Как будто я снова дома.

Тишина. Только гирлянды трепещут на ёлке.

Николай (шёпотом): А в Москве мне предстоит... (Закрывает лицо руками.) Я больше не могу.

Диана молча подходит, обнимает его, как сына. За окном метель стихает, и сквозь тучи пробивается первая звёздочка.

Борис (поднимая бокал): За новый год. И за то, чтобы... (смотрит на Катерину) ...чтобы важное — не терялось.

Диана косо смотрит на Бориса, тот замолкает.

Диана (мягко, но твердо): Да что ж ты говоришь такое, миленький? Ты чего?

Николай (опускает голову): Диана, простите меня. Как и вы все. Я своим пофигизмом подставил не только себя...

После эмоционального взрыва Николая в универмаге повисает тишина. Он тяжело дышит, затем резко достаёт из кармана потрёпанный блокнот и швыряет его на прилавк. Блокнот раскрывается — из него выпадает фотография мейн-куна.

Людмила (поднимает фото, улыбается): Ой, какой хорошенький! Такой пушистый! Это...

Николай (не глядя): Сеня. Единственный, кто меня ждёт.

Людмила (переворачивает фото — на обороте надпись): «Если что-то случится — отнесите в клинику «ЗооГрад». Деньги в конверте под диваном».

Диана (берёт блокнот, листает, затем резко закрывает): Господи... тут про всех нас.

Борис (выхватывает блокнот, читает вслух): «Борис. Слабость: боится, что Катерина снова уйдёт. Метод давления: напомнить про её рисунки».

Катерина (хватает блокнот, находит свою страницу): «Катерина. Ненавидит этот город, но боится, что в Москве станет никем».

Все замерли. Николай стоит, сжав кулаки.

Николай(тихо): Раньше я думал, что если записать слабости — станешь сильнее. А оказалось... это просто список причин, почему мне никто не верит. Теперь вы понимаете, чем я занимаюсь.

Рвёт блокнот пополам. Бросает в печь. Страницы вспыхивают. Людмила вдруг протягивает ему фото кота обратно.

Людмила: Заберите. Он же вас ждёт.

Николай берёт фото, затем неожиданно кладёт его обратно в её руку.

Николай: Оставьте... на всякий случай.

Пауза. Все понимают — это его «запасной выход». Катерина вдруг разражается хохотом, прерывая его.

Катерина (сквозь смех): Знатно облажались, нечего сказать! Молодцы...

Борис (резко поворачивается к Николаю, бросая взгляд на Катерину): И кем же ты работаешь?

Николай (медленно поднимая глаза): Тем, кого вы ждали... Цезием-майонезием...

Борис застывает на секунду, затем сплевывает и резко выходит. Дверь хлопает. Пауза.

Диана (спокойно): Он вернется. Попсихует — и вернется. (Пристально смотрит на Николая) А ты значит... вот оно как...

Катерина (свистит): Значит... ты тот самый проверяющий? Который должен был решить, строить здесь завод или нет? (Хихикает) И ты, лошара, перепутал Пенёво и Пеньково?!

Николай (пожимает плечами): Не перепутал. Мне просто лень было перепроверять. Помнил, что на "П"...

Катерина закатывается смехом, хлопая себя по коленям.

Катерина: Ух ты ж герой! Хотела бы я видеть рожи этих деревенщин, когда к ним московский проверяющий с бредом про завод приперся! (Вдруг серьезнеет) А что, они вообще в курсе были?

Николай (горько усмехается): По идее, должны были получить распоряжение... А они только глазами хлопали. Даже сараи какие-то под свою ерунду переоборудовали...

Борис возвращается, бросает тяжелый взгляд на Катерину.

Борис (Николаю): И что теперь будешь делать?

Все затихают, ждут ответа. Николай медленно обводит взглядом собравшихся.

Николай: Сначала — спасти свою шкуру. Чтобы не прислали кого-то менее лояльного...

Борис (перебивая): То есть ты против завода?

Николай (качает головой): Этого я обещать не могу. Особенно после того, как...

Катерина (подсказывая): ...облажался.

Диана (резко хлопает в ладоши): Ладно, хватит! Что будет — то будет. Может, и к лучшему, что Коля сначала к нам попал.

Людмила (жующая бутерброд, неожиданно вставляет): Папа говорит, наш председатель — жмот. Когда "майонезий" добывали, свою долю выпрашивал...

Диана (строго): Люда!

Все переглядываются. Борис подходит к Николаю, кладет руку на плечо.

Борис: Ты — нормальный мужик, Колян. (Тихо) Умоляю — никаких заводов.

Николай (отстраняется): Я не волшебник! Не я решаю! (Вдруг взрывается) Я вообще не должен был здесь быть! Если бы не ваш чертов столб...

Тишина. Диана вздыхает, поправляет скатерть.

Диана: Раньше надо было думать. (С усмешкой) Наше поколение за такое в ссылку бы отправили...

Катерина (оживляясь): Да брось! Сейчас времена другие. (Подмигивает Николаю) Максимум — штрафанут да уволят. А как уволят — к нам перебирайся!

Николай смотрит в окно, где начинает светать. Где-то около кассы тикают часы. Новый год начался — со всеми его нерешенными вопросами, но почему-то уже не такими страшными.

Николай случайно задевает альбом с рисунками, оставленный на прилавке. Катерина напрягается, но он мягко берет его в руки.

Николай (листая страницы, Катерине): Ваше?.. У вас чудесные рисунки, Катерина. (Поднимает взгляд) Здесь видно, как вы любите эти места. Они для вас... живые. (Откладывает альбом, внезапно решительно). Знаете что? Не будет здесь никакого

завода. Пусть эти господа с набитыми карманами идут к чёрту. Я напишу такой отчёт, что начальство сто раз подумает. Знаете, чем отличается газ от людей? Он заканчивается. А вы — нет.

Все замерли. Борис перестал жевать, Диана застыла с чайником в руках.

Николай (страстно): Этот край — ваша жизнь. Ваши мечты, которые... (внезапно срывается на смешок) Чёрт, я сам не узнаю себя. Вы показали мне, что мир больше денег и должностей.

Борис (стучит кулаком по столу): Ну вот! Так бы сразу! За это стоит выпить!

Катерина (горько): И будем жить нашей обычной жизнью без шансов на перемены.

Николай (разводит руками): Вы сначала между собой договоритесь.

Борис внезапно взрывается

Борис: А ты в наш уклад не лезь! Приехал, уехал — и поминай как звали! Ничего ты о нас не знаешь!

Тишина. Николай медленно выпрямляется, лицо становится каменным.

Николай (тихо, но чётко): Ты прав — я не знаю всей вашей жизни. Зато знаю другое. (Голос крепнет) Этот городок — настоящее золото. Точнее, газ. Я видел цифры — здесь запасов больше, чем в соседних районах. В разы больше.

Все переглядываются. Катерина закусывает губу.

Николай (продолжает, с горечью): Я должен был просто приехать, подписать бумаги и уехать с повышением. Стать управляющим. Наконец-то перестать скитаться... (Внезапно бьёт кулаком по стойке) А теперь я здесь препираюсь с тобой, енот тебя дери!

Борис хочет что-то сказать, но Николай не останавливается

Николай: Вы все живёте в своём уютном мирке, как в клетке! И прекрасно знаете — без поддержки ваш городок загнётся через пару лет. Вместе с вами.

Борис (перебивает): Ну давай ещё завод красок поставь! Чтобы совсем задохнуться!

Николай (неожиданно спокойно): Нет, Борис. Я не этого хочу. (Смотрит на всех по очереди) Но вы отвергаете любые перемены. Даже если предложить экопроизводство с музеем — всё равно будете против.

Диана резко ставит чайник на стол.

Диана: Хватит! Хотите ругаться — идите на улицу.

Борис и Николай молча чокаются бокалами, выпивают залпом. В этот момент дверь с грохотом распахивается — на пороге появляется тётя Марина, допивая что-то из своей фляжки. Все оборачиваются к ней.

Тётя Марина (радостно, растягивая слова): С Новым годом! С Новым счастьем! О-о-о, гость ещё не уехал? (Прищуривается на Николая) Как тебе у нас, го-о-ость? Думал я шабыла про тортик? (Вдруг оживляется) Тортик вкусный был! Спа-а-асибо...

Спотыкается, хватается за прилавок. Замечает накрытый стол.

Тётя Марина: О-о-о, а вы прашнуете?! (Вдруг вспоминает что-то важное, хлопает себя по лбу) А меня Шурка иш дома к вам отправил! Говорит, так некрасиво с гостями! Мол, гость — это ва-а-ажно! И што гостю нушно уступать!

Все замерли. Николай осторожно поднимает брови.

Тётя Марина (решительно размахивая фляжкой): И шнаете што?! Я уступлю! (Неожиданно швыряет ключи от машины в сторону Николая. Они со звоном падают на пол.) Бери! Но с вошшратом! А то шнаем мы таких шуликов! Если не вернёшь, я тебя найду. У меня племянник в ГИБДД!

Диана (вздыхает): Да не жулик он, Марин, а наш гость...

Тётя Марина (кивает, подмигивает): Да гость, гость... Хорошо-о... (Внезапно хмурится) Но он меня на тортик надул! А я ему ешо ягодку нашу... (Машет рукой) Эх, это всё Шурка мой... видать, к любовнице своей свинтить хочет!

Все переглядываются. Борис подавляет смех.

Тётя Марина (продолжает, уже умиротворённо): Но... так... убедительно... говорил... Што... гостям помогать надо... (Вдруг сдаётся, разводит руками) И я шдалась! Никогда не могла ему уступить... а тут... (Указывает на ключи на полу) Дерши, гость!

Николай поднимает ключи, глаза его светятся.

Николай: Будет повод вернуться! Спасибо вам огромное!

Тётя Марина (строго, тыча пальцем): Смотри не обсрадуйся срашу ше! (Внезапно оживляется) И шобы ягодку вернул к выходным! Шурке на рыбалку ехать!

Николай (растерянно): Зимой?

Тётя Марина (с презрением): Ну дааа. Шимняя рыбалка. (Качает головой) Эх ты, гость. Нишего не смыслете в удовольствиях...

Катерина перешёптывается с Борисом, тот усмехается.

Диана (мягко): Марин, останешься с нами?

Тётя Марина (решительно машет рукой): Не-е-ет! Мне к Шурке надо. Он там сешас один. Лешит... (Голос дрожит) А я не могу... его одного... никогда не могла... и сейшас не могу... (Вдруг философски) Всю шишнь шдесь прошила — и нишего не ишменилось. И сейшас не ишменится...

Делает глоток из фляжки, твёрдо направляется к выходу.

Тётя Марина: Я пошла! Даше не уговаривайте! (У порога оборачивается, кричит) Мня Шурка шдёт!

Борис (притворно-серьёзно): До крыльца помочь дойти?

Катерина (шипит): Боря!

Борис (невинно): Что?

Катерина (отворачивается): Ничего...

Тётя Марина уже в дверях, машет рукой.

Тётя Марина: До свидания, гость! Нет... (Поправляется) До скорой встречи! До выходных! (Строго) Помни-и-ите... рыбалка...

Исчезает в метели. Дверь захлопывается. В универмаге воцаряется тишина — только гирлянды потрескивают.

Николай (разглядывая ключи): Ну что... похоже, у меня появился повод вернуться.

Борис хмыкает. Диана наливает всем чаю. Где-то за окном слышен смех тёти Марины — то ли ей действительно весело, то ли в этом смехе звучит грусть.

Тишина после ухода тёти Марины. Николай вертит в руках ключи, лицо напряжённое.

Николай (тихо): Знала бы она, кто я... Никогда бы не дала ключи.

Катерина (язвительно): Или дала бы сразу, чтобы поскорее от тебя избавиться...

Диана (удивлённо): Я вообще поражена, что она их отдала.

Людмила смотрит на Николая большими глазами.

Людмила: Теперь вы уедете?

Николай (кивает): Да. Но вернусь раньше, чем планировал... рыбалка же...

Диана (перебивает): Какая рыбалка! Лучше объясни про этот культурно-исторический центр. Что это вообще?

Людмила оживает, перебивая.

Людмила: Это когда вместо вонючих станков — ручные или электрические! Чтоб воздух не портили!

Николай (подхватывает): Верно!

Диана (скрещивает руки): И где мы столько электричества возьмём? Столб-то сломан. От генератора что ли?

Николай : Нет. Можно подстанцию провести. (Увлечённо) А главное — воссоздать то, что было раньше! Без всякого электричества.

Борис (заинтересованно): Типа реконструкции?

Николай: Да! Туристы приезжают, узнают историю, пробуют ремёсла...

Катерина вдруг оживает.

Катерина: А ты можешь своему начальству это предложить? Вместо завода?

Николай (смеётся): Чтобы отказаться от стабильных рабочих мест? Вряд ли...

Катерина (горячо): Да это же лучше завода! Я бы вернулась к рисованию, Боря историю бы преподавал...

Николай (резко обрывает): А кто вам мешает делать это сейчас? Разводит руками Вы просто застряли в прошлом! Хотите перемен, но шевелиться не желаете!

Диана (внезапно): Газ кончится — а яд останется. Как после тех вахтовиков... Помнишь, Боря? Речка три года мутная была.

Борис (мрачно): А рыба с пузырями...

Людмила вдруг взрывается — голос дрожит от слёз.

Людмила: А вы знаете, как мне в семнадцать запретили в Москву поступать?! Кричит Назвали дурой! Говорили, выкинут на улицу! Я мечтала стать онкологом, а теперь... Рыдает Теперь я прихожу к деду на могилу и прошу прощения, что никого не смогла спасти!

Гробовая тишина. Катерина бледнеет. Борис смотрит в пол. Диана обнимает рыдающую Людмилу.

Людмила (Катерине, тихо): Ты боишься, что я уеду и пойму, что ты была неправа?

Катерина (после паузы): Нет. Я боюсь, что ты поймёшь, как я была права... и всё равно не вернёшься.

Николай (тихо): Вот поэтому я один... Потому что никто не выдерживает, когда начинаешь действительно бороться за мечту.

Тишина после эмоционального взрыва Людмилы. Гирлянды мерцают, отражаясь в её мокрых от слёз глазах. За окном метель стихает. Где-то вдали кричит петух — первый в новом году.

Диана (мягко обнимая Людмилу за плечи): Деточка, твой дедушка был давно болен. В этом нет твоей вины.

Людмила (всхлипывая): Но я могла... могла помогать другим! А теперь...

Диана (твёрдо): Ты можешь начать с тех, кто рядом. А если очень захотеть —

Николай (перебивает, доставая телефон): Диана права. Кстати... Листает контакты У меня есть знакомая из Пироговки. Может помочь с очно-заочным на педиатрию.

Людмила замирает, широко раскрыв глаза.

Людмила: Вы... серьёзно?

Николай (кивает): Семь лет учёбы, конечно... Но если решишься — напиши через неделю, всё узнаю.

Людмила чуть не опрокидывает стул, бросаясь к Николаю.

Людмила: Спасибо-спасибо-спасибо!!!

Диана (строго): Сначала поступи, потом радуйся. Учиться на врача — не булочки печь.

Людмила съёживается, но Катерина неожиданно делает шаг вперёд.

Катерина (тихо): Дочь... если чего-то хочешь — делай. (Внезапно хватает альбом, начинает яростно рисовать). Вот смотри...

На бумаге появляется дверь с золотистым свечением. Все заворожённо смотрят.

Катерина: Твой выбор. Твоя жизнь. Резко закрывает альбом Только помни — мечты не сбываются сами.

Молчание. Людмила сжимает кулаки, вдруг выпрямляется.

Людмила (громко): Я попробую! Даже если провалюсь!

Катерина, не говоря ни слова, надевает пальто. Борис идёт следом за Катериной, открывает ей дверь, они выходят вместе. Диана на прощание обнимает Людмилу. Николай выходит последним задерживается в дверях.

Николай (подбрасывая ключи): Если мечта — искра...

Дверь закрывается за ним оставляя маленькую щель.

Людмила (в пустоту, расплетая косички): ...то я стану пожаром!

В этот момент за окном взрываются фейерверки. Алые всполохи освещают пустой теперь универмаг — разбросанные бокалы, смятые салфетки... Людмила поднимает забытый альбом с рисунком двери, вырывает его из альбома и крепит на входную дверь. Забирает фото кота со стола и выходит.

Чёрная пустая сцена.

Тётя Марина (вбегает, кричит): Шурка, Шурка, гость-то наш... клюши вернул! И ягодку! А в багашнике... билеты в Москву! На двоих! Мы наконец-то поедем туда вместе, как и мечтали!

За сценой доносится ворчание Шурки.

Занавес.

16.03.2025